

НАТАЛЬЯ ДУРОВА:

Небольшой особняк в одном из милых уголков старой Москвы. Наталья Дурова, главная российская укротительница, известная детская писательница, академик, почетный ветеринар, провела здесь, в Театре зверей, всю свою жизнь. Что-то есть в этой женщине от Ахматовой, от необыкновенных красавиц эпохи великого немого... Накладка невероятных цветов на ее плечах словно шаль из арабской сказки. Ее внешность совсем не вяжется с образом дрессировщицы — суровой дамы с хлыстом, готовой укротить самого своенравного зверя. Да и в театре, где мы пьем чай в кабинете Дуровой, совсем другие порядки.

Я РАБОТАЮ БЕЗ ХЛЫСТА

Всеволод МАТВЕЕВ

— А вы знаете, что за этим столиком Пушкин читал записки «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, моей прабабки, той самой, что по зову долга и влюбленного сердца пошла воевать с Наполеоном? А откуда Дуровы вообще-то пошли, вы знаете? Они известны с XVI века, когда обедневшие дворяне Туровские стали Туровыми — за непокорный нрав, а потом и Дуровыми. А знаете, что мой отец писал в анкете, когда работал при большевиках? «Верующий коммунист». Дед мой, конечно, никогда коммунистом не был, хотя думал, что коммунизм — это как христианство. И вывел клоунов на Красную площадь во время революционных событий. Дед, кстати, был дружен с императором, хотя и не стеснялся показывать сатирические сценки, высмеивающие Его величество. Знаменитая его сценка: выбегает на манеж собака и ловит свой собственный хвост. «Остановись, а то будешь куцая, как императорская конституция!» — восклицал Дуров. Я внешне похожа на мою прабабку — «кавалерист-девицу», у которой был вдвоем брат, всю свою жизнь мечтавший выиграть у Пушкина 100 000 рублей и закончивший дни свои в долговой яме. Как говорится, в семье не без... сами знаете кого. Еще был у нас в роду примечательный Сергей Федорович Дуров, который отменил у себя в имении крепостное право еще до реформ Александра II. Все предки жили в Петербурге. А сегодня одна моя тетюшка живет в Париже.

— Многие Дуровы стали циркачами. А вот ваш сын не пошел по стопам родственников...

— Он микробиолог и с цирком не связан. Да я никогда и не хотела его специально готовить для этой стези. Вообще давить никогда нельзя. Это может просто испортить судьбу человеку. Он — интеллигент, похож на своего отца, и не только внешне, но и тем, что никогда не был комсомольцем и полностью внепартиен.

— Вашим мужем и отцом вашего сына был известный артист МХАТа Михаил Болдуман...

— Да. Он поступил в театр в тот год, когда я родилась. И Станиславский, между прочим, говорил про него: «Не трогайте Болдмана. Он — само естество». Он-то как раз любил животных, как и я. Однажды мы всю ночь собирали с ним майских жуков из букета сирени. И решили их выпустить в Александровском саду. Маша, как я называла мужа, пошел в сад, а то было время борьбы с колорадским жуком. И... Болдуман забрал в каталажку. Потом звонили мне, хамил по телефону, на что я просто бросила трубку. Мы, Дуровы, такие. Никогда не кланялись — ни тогда, ни теперь. А кошек с Масей мы кормили по всей Москве.

— Я слышал, ваши животные после работы в театре уходят на пенсию?

— Да, как и люди. И, вы знаете, у них такие грустные бывают глаза, они ведь чувствуют, что уходят. Правда, по торжественным случаям они приезжают выступать. Звери ведь все помнят, все! Достаточно заиграть знакомую мелодию...

— У них у всех такие грустные глаза. Наверняка ведь тоскуют по воле.

— Они просто ждут, чтобы я подошла к ним. Даже старый верблюд с иным ощущением идет на сцену, когда увидит меня. Поверьте мне, животные все чувствуют, и очень остро. У нас был лев, который чувствовал, что его львица не могла разродиться. И во время гастролей в Японии он ушел — просто сбежал на улицу. Его убили. Сейчас у нас работает его сын Атос.

— Говорят, что с животными даже опытному дрессировщику работать небезопасно. Это так?

— Так. Причем опасно работать даже с крысой или мышью. Если укусит мышью, можно заболеть игуа-ремией. Это очень тяжелая болезнь, при которой возможен даже летальный исход. Я, например, мысленно простилась с жизнью, когда на меня во Владивостоке напала рысь. Мне было тогда 19 лет. С арены меня унес писатель Борис Можаев. Но манеж я не оставила. И рысь приручила впервые в истории циркового искусства. С детства отец приучал меня терпеть боль. Вложил мне после этого случая в зубы сигарету и ска-

зал: «Затянись, пройдет боль». Если зверь почувствует, что вы больше не хозяин положения, то прощай карьера дрессировщика. Но прежде чем выйти на манеж, я всегда перекрещусь. Об этом все знали и в партийные времена... Цаплю я тоже первой приручила. Уж сколько говорили о том, что это животное, мол, дрессуре не поддается! Цапля — опасное животное. Она обладает точнейшей траекторией прицела. И уж если наделилась, то несдобровать — промаха не будет. Приручила я и носуху, и моржа.

— А бывали смертельные исходы на манеже?

— В Новгороде козел пропорол живот укротителю Горбунову. Еще в Ижевске случай с верблюдом был: он копытом забил дрессировщика. Вообще, выступать с животными — дело рискованное. Так что требуется смелость. Отец еще в детстве приводил мне в пример нашу знаменитую Ирину Бугримову и говорил: «Бери пример с нее». Однажды перед самым моим выступлением на Неделе детской книги в Колонном зале меня укусила гиена, отхватила кусок пальца. Повезло в «Склиф», зашили, перевязали, и все-таки я выступила. И еще я всегда боялась грязных опилок на арене, на которых можно очутиться, если зверю что-нибудь не понравится.

— Правда, что вы работаете без кнута?

— Безусловно. Того, что мне нужно, я добиваюсь от зверей только любовью и поощрением. Знаменитый

дрессировщик Филатов, например, действовал совсем другими методами. Ломом по голове — кулбит готов. Но разве можно трогать, например, морского льва, когда у него темечко, как у грудного ребенка? А вы знаете, есть и такие, которые по Москве отлавливают и усыпляют кошек. Что они будут видеть на том свете, подумать страшно. Животное должно улыбаться, излучать энергию. Я вот сама им пишу иной раз покупаю, чищу рыбу. Потому-то у нас в питомнике и рождается потомство. А это такая редкость!

— А на домашние дела у вас остается время? Готовить любите?

— Просто обожаю. У нас в семье вообще было большинство гурманов, в том числе и папа очень любил поесть. Меня научила стряпать няня моя, сибирячка. Она прекрасные пельмени делала. Наталья Петровна Кончаловская, ныне покойная, человек огромной культуры и образованности, обучила меня премудростям испанской и французской кухни. Но на все это просто не остается теперь времени. Сплю четыре часа в сутки. Постоянно в работе. Как Сергей Михалков говорит про меня: «Подсобная рабочая с «Трехгорки». Да, я могу быть замарашкой 23 часа в сутки, но хотя бы на один час становлюсь королевой. На сцене. Так что готовить в последнее время особенно не приходится. А здесь, в театре, у нас общая столовая. Причем бесплатная. Приходите как-нибудь пообедать со мной.

Фото Виктора ГОРЯЧЕВА

Durova Natalya

2000